

2 сен. 1980

УЧИТЕЛЬСКАЯ ГАЗЕТА
МОСКВА

МЕЛОДИЯ, то нежная и печальная, то порывистая и страстная, завершилась высокой нотой вместе с аккордом рояля...

Пока экзаменаторы делали записи и пометки, юный певец в волнении искал глазами своего учителя, сидевшего в зале. Потом они пойдут в класс и тщательно, фразу за фразой, разберут произведение, отметят то, что было хорошо исполнено, и то, что не удалось выразить. Но сейчас педагог, народный артист Советского Союза, лауреат Государственной премии, солист Большого театра А. П. Огнивцев, создавший на сцене галерею сложнейших вокально-сценических образов, сам так волнуется, что вызывает участливое сочувствие тех, кто присутствует на экзаменах по вокалу в ГИТИСе.

— Конечно, это волнение иного рода, чем то, которое я испытываю, выходя на сцену, — говорит Александр Павлович, — но я не в состоянии побороть его. Я волнуясь за своих учеников, может быть, больше, чем они сами.

— Вероятно, эти экзамены ассоциируются у вас с вашими собственными экзаменами и прослушиваниями?

— Никогда не забуду, как, окончив четыре курса Кишиневской консерватории, я приехал в Москву на прослушивание в Большой театр и предстал перед такими корифеями оперной сцены, как Голованов, Нежданова, Держинская, Обухова, Макасова и другие — было от чего совершенно растеряться.

— Насколько мне известно, вы тогда успешно выдержали испытание и были приняты в труппу Большого театра. Сама Нежданова стала заниматься с вами...

— Это было огромное, невыразимое счастье для начинающего певца — работать с выдающимися музыкантами, учиться у них мастерству, сценической культуре. И я с жадностью внимал каждой спетой фразе, каждому слову мастеров.

— Нежданова известна как блистательная певица. А каким она была педагогом?

— У Антонины Васильевны было удивительное сочетание высокой требовательности и, я бы сказал, нежности. Она опекала своих учеников, передавала свой богатый опыт, заботилась об их творческом росте, готовила с ними партии и, что называется, вела за руку.

— Какая первая партия была спета вами?

— Труппа Большого театра готовила тогда оперу Мусоргского «Хованщина». В постановке были заняты лучшие певцы. И наряду с ними мне была поручена партия Досифея — необыкновенно сложная как вокально, так и сценически. Такому неопытному певцу, как я,

которую мне предстоит исполнять в ближайшее время! Все мои роли одинаково дороги мне, каждой отдано много труда и сил души. Они вынашивались в поисках, раздумьях, мучительных подчас сомнениях. Проходит время, а работа над образом все продолжается, обретается что-то важное, отмечается мелкое и ненужное — все

— Сколь же велика задача и ответственность артиста в создании яркого и вместе с тем исторически достоверного характера! Именно таков у вас Николай I в опере Шапорина «Декабристы». С большой обличительной силой создаете вы образ царя, являвшегося олицетворением самодержавной власти, жестокой, удушающей свободу силы. И

как и вся опера, повествующая о той тяжелой и долгой борьбе, которую вел народ за становление Советской власти в России.

Артист должен всегда думать о тех, кто придет в зрительный зал, о воспитательной миссии искусства и эстетическом его предназначении. Поэтому к каждой роли нужен особый подход, особое ее осмысление.

Много сыграно спектаклей, немало исполнено партий, но каждый раз, когда раздвигается занавес, обязательно испытываешь волнение премьеры. Стараешься найти новые штрихи и краски в дополнении к уже найденному. Углубление образа, характера — это процесс непрерывный.

— Александр Павлович, вы много заняты в репертуаре театра, часто выступаете в концертах, выезжаете на гастроли за рубежом, занимаетесь с молодыми солистами в театре, преподаете в ГИТИСе... Чем вы сами объясняете такую свою удивительную работоспособность на протяжении столь длительного времени? Как удается вам поддерживать стабильную вокальную форму, позволяющую петь сложнейшие партии?

— Школа пения, которую я получил от своих учителей, — а она включает не только саму вокальную методику, но и каждодневный обязательный тренаж, комплекс упражнений для голоса, а также строгий режим, — являлась для меня тем прочным фундаментом, на который я опирался всегда в своей работе. В лице Антонины Васильевны Неждановой у меня был блестящий пример трудолюбия, обязательности, трепетной любви к сцене, беззаветного служения театру, и я всегда следовал этому примеру.

— Ваши ученики?

— Все, чему научили меня мои учителя, все, что приобрел я за годы работы в театре, и все, что испытал я от соприкосновения с прекрасной музыкой, — все обязан я передать своим ученикам. Главное — научить трудиться. Только труд приведет к профессионализму, к совершенствованию мастерства. Только труд может наградить ни с чем не сравнимой радостью.

Беседу вела
М. БРИТКОВА.

● ВЫ НАС ПРОСИЛИ РАССКАЗАТЬ

ЧЕМ СТАРШЕ становится человек, тем охотнее возвращается он мысленно к той поре жизни, которая у всех считается лучшей, — к годам юности, к расцвету надежд, к своим учителям. Среди имен заботливых, добрых и чутких учителей человек выбирает одно имя, самое дорогое, и пронесет его в душе и памяти через всю жизнь.

Исполнилось 30 лет сценической деятельности народного артиста СССР, лауреата Государственной премии Александра Павловича Огнивцева.

Вспоминая самое начало своего творческого пути, Александр Павлович с любовью и благодарностью называет имя своей учительницы, выдающейся певицы Антонины Васильевны Неждановой.

РАДОСТЬ ПОСТИЖЕНИЯ ОБРАЗА

просто страшно было брать за нее. Но рядом с увлечением работали большие артисты, мастера сцены, чуткие и доброжелательные, готовые прийти мне на помощь. Рядом была Антонина Васильевна! Тщательно изучая обширный, разнообразный материал, я с помощью Антонины Васильевны постепенно шел к пониманию эпохи, идеи произведения и самого образа Досифея, выраженных в музыке Мусоргского.

Когда начались сценические репетиции, она постоянно была в зале или за кулисами, делала свои замечания, поправляла грим, и ничто не ускользало от ее глаз.

Однажды она остановила меня возгласом: «Саша, да вы креститься не умеете!». И показала, как это делал бы суровый старец, фанатичный и непреклонный приверженец веры. Антонине Васильевне я обязан всем! Она научила меня главному: любви и преданности театру.

— Вы спели огромное количество самых различных партий басового репертуара. Какая из них наиболее близкая, любимая вами?

— Та, которую буду петь завтра! Да, да, именно та,

это бесконечный, непрекращающийся творческий процесс.

— И все же есть у каждого артиста роли, где он поднимается к вершине таланта и мастерства. В ряду замечательных работ разных лет есть у вас роли, которые можно расценивать как высшие достижения в искусстве Большого театра.

Вокальное и сценическое мастерство находятся в них в тесном и гармоничном слиянии. Это прежде всего партия Ивана Грозного в опере Римского-Корсакова «Псковитянка»...

— Иван Грозный — царь на Руси — личность сложная и многогранная. Мятущийся характер его отличался жестокостью и подозрительностью. Но прекрасная музыка Римского-Корсакова и сам сюжет позволяют оттенить такие черты, как любовь к дочери, душевное смятение, угрызения совести — словом, показать все противоречивые силы, которыми был движим Иван Грозный в своих поступках. В работе над этим образом пришлось изучать и исторический материал, и произведения живописи, и даже антропологические исследования ученого Герасимова.

совсем другие краски в своей богатой артистической палитре находите вы для партии Вожак в «Оптимистической трагедии», Гремину в «Евгении Онегине», Генерала в «Игроке»...

— Над образом Николая I я работал в самом тесном контакте с композитором. Так в совместных поисках характера родился монолог «Сегодня я иль царь иль раб?!», имеющий очень важное значение для всего произведения в целом. В этой же опере мне была поручена другая роль, требующая коренной перестройки и мышления, и поведения: роль декабриста Бестужева. Эта опера, созданная на историческом материале, очень сложная в постановочном и исполнительском отношении, потребовала от всего коллектива длительного и напряженного труда.

Не менее дорога мне и другая работа в опере «Оптимистическая трагедия» А. Холминова, отображающая революционное прошлое нашей страны. В образе Вожак я стремился прежде всего передать необузданную, неуправляемую силу характера. Над этой партией работал с удовольствием. Она написана яркими и сочными красками,